

О. Райле

**Секретные операции
абвера**

УДК 355.40(430)
ББК 67.401.212(4Гем)
Р18

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Военная история»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Райле Оскар
Р18 Секретные операции абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921—1945 / Пер. с нем. Е.Н. Захарова. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. — 510 с. — (За линией фронта. Военная история).

ISBN 978-5-521-85452-3

Книга Оскара Райле, личного помощника адмирала Канариса, — наиболее полное издание о том, как создавался, набирал силу и потерпел крушение абвер — знаменитая германская служба военной разведки. Автор приводит малоизвестные подробности операций против Советского Союза, стран Восточной и Западной Европы, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. В книге дан объективный анализ успехов и неудач военной разведслужбы Германии и конкурирующих разведок.

УДК 355.40(430)
ББК 67.401.212(4Гем)

© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-521-85452-3

КНИГА ПЕРВАЯ

**ТАЙНАЯ ВОЙНА
НА ВОСТОКЕ**

Эту книгу я посвящаю тем, кто занят мирным трудом по возрождению Германии и возвращению ее в Европу.

Автор

Глава 1

1920—1934 ГОДЫ. ПОЛЬША И ВОЛЬНЫЙ ГОРОД ДАНЦИГ. ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ, ПОЛЬШЕЙ И ДРУГИМИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ. ПОЕДИНКИ НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ

Данциг летом 1931 года. При хорошей погоде улицы бурлят от иностранцев, приезжающих со всего света, чтобы провести несколько недель отпуска на чудесном побережье Балтийского моря или попытать счастья в сопотском казино.

Курорты Сопот, Глетткау, Брёзен, Хейбуде и Бонзак очень популярны. Даже дальние деревеньки Данцигской бухты в направлении за Фришен-Нерунг, такие, как Штеген и Штуттгоф, полны отдыхающих. Одни из них отводили пару дней отпуска на посещение готических церквей и других данцигских архитектурных достопримечательностей. Другие осматривали порт или уютно устраивались в кабачках с отличной кухней. При этом, само собой разумеется, следовало продегустировать местные напитки «Данцигер гольдвассер» и многие другие популярные в ту пору «розовые ликеры». Женщины конечно же не упускали случая полюбоваться элегантными платьями, дорогими украшениями и прочими увлекательными безделушками в витринах крупных роскошных магазинов в центре города.

Украшения большей частью поставлялись из Франции. Оттуда ввозились товары по сниженным пошлинам. И наоборот, входивший в польскую таможенную зону вольный город Данциг затруднял ввоз товаров из Германии.

В целом Данциг в те летние дни 1931 года производил впечатление чистого, ухоженного города. Деловая жизнь, казалось, бурлила вовсю.

Непосвященному было невдомек, что вольный город многие годы боролся за свою экономическую и политическую самостоятельность, а за его стенами вели свою тайную работу различнейшие секретные службы. Некоторые сотрудники работали под прикрытием консульств, открытых государствами противника, среди них Франция, Великобритания и Советский Союз. Польшу больше всех в этой цитадели шпионажа и контршпионажа представляли кадровые сотрудники и агенты. Многие офицеры польской разведки являлись сотрудниками военного отдела дипломатического представительства Польши, располагавшегося в Данциге на улице Нейгартенштрассе.

В ту пору я работал советником уголовной полиции в управлении в Данциге не более чем в 500 шагах от этого здания. Уже семь лет я контактировал со службой абвера и помимо основной работы выполнял секретные поручения.

Из разведслужб противника в Данциге польская была самой опасной. Она располагала большими силами и средствами для экономической, политической и пропагандистской подрывной деятельности против вольного города, а также засылала множество агентов и в Восточную Пруссию, которые вели там широкомасштабный шпионаж.

Моя задача заключалась прежде всего в том, чтобы как можно раньше выявлять ее частично скрытые, частично открыто высказываемые в публичной пропаганде цели и помогать защищаться от притязаний Польши. Чтобы все это делать эффективно, я старался обрести там доверенных лиц, которые были бы в курсе дел и мер, намечаемых соответствующими польскими ведомствами.

По сравнению с этим противником у вольного города Данцига в распоряжении имелись лишь очень ограниченные силы и средства. В первые годы моей секретной деятельности, о которой речь еще впереди, у меня было не более двух-трех сотрудников, с ними я и взялся за развертывание тайной разведывательной сети информаторов в Данциге и Польше. Кроме того, мы были еще совершен-

но неопытны в разведработе. Потому нельзя исключать, что наряду с успехами нас будут ожидать и провалы. Последними была отмечена моя деятельность в Польше. Дело дошло до того, что обо мне, как опасном враге, польские журналисты запустили публикации, в которых подробно описали меня и указали мой адрес.

Несмотря на это, я с помощью моих немногочисленных верных людей все-таки завербовал ценных информаторов, через которых мы подробно ознакомились с кадровым составом подразделений польской разведки и их тайной работой против Германии и Данцига. Так, летом 1931 года нам стало точно известно, что работавший в дипломатическом представительстве Польши майор Зикон был нашим главным противником.

В июле того же года однажды в первой половине дня он вдруг позвонил мне. Я снял трубку и спросил:

— Кто звонит?

— Майор Зикон. Имею ли я удовольствие говорить с господином советником уголовной полиции?

— Да, я у аппарата. Чем могу служить?

— Я хотел лишь предупредить вас, чтобы вы прекратили прослушивание наших телефонных переговоров. Уверяю, из них вы все равно не узнаете ничего существенного. Для всей германской разведки от этого мало прока, вряд ли она выведает что-либо эпохальное.

— Вы так полагаете? Тогда вот вам наглядный пример. Известно ли вам, что вы приглашены на чашку чая к господину министру Страсбургеру¹ и его супруге?

— Нет, пока ничего не знаю. Похоже, вы и впрямь осведомлены лучше, нежели я предполагал. Вероятно, было бы лучше, если бы мы как-нибудь встретились. Возможно, наша беседа окажется полезной для нас обоих.

— Согласен. Предлагаю сегодня встретиться в 14 часов в хорошо вам известном ресторанчике на Хундегассе. Каждый придет в компании с товарищем.

— Хорошо, меня это устраивает.

¹ Доктор Хенрик Страсбургер — в то время дипломатический представитель Польши в Данциге. Поляки обозначили этот пост как «Генеральный комиссар Республики Польша в Данциге». За несколько лет до того Страсбургер отличился яркой пропагандой, направленной против Данцига.

— Тогда до встречи.

Ровно в два часа дня я вместе с коллегой, инспектором уголовной полиции Лангбейном, уже был в условленном ресторане. Нас совсем не обрадовало, когда перед нами появился в полной форме польский унтер-офицер и доложил, что пан майор Зикон очень сожалеет, что не смог прийти, поскольку его задержали служебные дела.

Поговорить с майором Зиконом я хотел лишь для того, чтобы обсудить меры, которые способствовали бы смягчению отношений между Польшей и Данцигом, доведенных уже чуть ли не до разрыва. За время после объявления Данцига вольным городом, 10 января 1920 года, Польша и Данциг более 50 раз обращались к Верховному комиссару Лиги Наций в Данциге и Совету Лиги Наций для разрешения спорных вопросов.

Для существования и функционирования вольного города Данцига самым опасным было нарушение польскими ведомствами экономических прав, закрепленных за вольным городом по договору. Эти вмешательства, имевшие главной целью выведение из-под контроля Данцига как можно больше торговых связей и снижение его доходов, угрожали существованию неудачно созданного версальскими миротворцами государственного образования «вольный город Данциг».

То, что его жители, на 90 процентов немцы, будут всеми силами противиться польским властям, было не удивительно. Для того времени и противостояния между Польшей и Данцигом показательна фраза, которую польский министр иностранных дел Залески в сентябре 1930 года обронил президенту данцигского сената: «Данцигский вопрос может разрешить лишь польский армейский корпус». Подобное высказывание польского министра, лица официального, со всей очевидностью показывает, насколько была взрывоопасной ситуация.

Кроме того, летом 1931 года я знал, что германское правительство и его секретная служба, абвер, ожидали польского нападения. Подобное, разумеется, было крайне нежелательно для руководящих германских кругов. В случае войны Польша с большей степенью вероятности могла надеяться на поддержку западных держав. Но и без них в то время она в военном отношении намного превосходила германский рейх.

Прежде чем я продолжу анализ противоречий между Польшей и Германией в период между мировыми войнами, представляется необходимым оглянуться назад на годы, когда немцы и поляки мирно сосуществовали в Силезии, Познани и Западной Пруссии. Затем в кратком обзоре расскажу, как я оказался на моей должности в Данциге и был завербован абвером в сотрудники.

Я родился за несколько лет до начала нового столетия в Западной Пруссии. Мой отец владел там крупным хутором, унаследованным от родителей. На нашем хуторе постоянно проживало много работников мужского и женского пола, называемых в те времена батраками и батрачками, а также в имении постоянно жил один пастух. Все они были поляками и говорили по-польски и женились на батрачках, которые из года в год со всеми своими трудоспособными родственниками нанимались к нам на хутор и жили в доме, принадлежавшем моему отцу.

Поскольку я являлся старшим ребенком, вышло так, что дети наших работников стали моими товарищами по играм. От них я научился польскому языку, знание которого мне впоследствии весьма пригодилось. И среди школьных товарищей, ходивших вместе со мной в гимназию в Грауденце, были дети поляков. Один из них в августе 1914 года одновременно со мной ушел на фронт добровольцем (вольноопределяющимся). И это был не единичный случай. Многие поляки считали само собой разумеющимся исполнить свой воинский долг и, хотя при немецкой власти никогда не скрывали, что они поляки, пользовались всеми правами германских подданных.

Тогдашнее сосуществование немцев и поляков лучше всего показать на примере польского графа Мильжински, происходившего из аристократического рода, осевшего в провинции Познань. Граф исполнил свой долг и стал немецким офицером. Кайзер Вильгельм II отличил его и сделал одним из своих адъютантов.

Когда генерал фон Безелер 5 ноября 1916 года по поручению имперского правительства провозгласил независимость Польши, граф, по согласованию с соответствующими германскими ведомствами, отправился на родину. Там во время боев в Верхней Силезии до июня 1921 года он в чине подполковника был главнокоманду-

ющим польских повстанцев. Тем не менее граф придерживался мысли, что возрождаемому польскому государству, как монархии во главе с одним из принцев Гогенцоллернов, нужно последовательно ориентироваться на Германию.

Пусть бы такой подход стал достоянием европейской молодежи. Ведь он подтверждает, что десятки лет перед Первой мировой войной немцы и поляки могли жить на одной и той же земле в мире и согласии. В земле Кульмер, насколько мне известно, в те времена никогда не возникало стычек или каких-либо иных серьезных разногласий между гражданами Германской империи немецкой и польской национальности.

Сегодня прозвучит почти неправдоподобно, если я на основании собственного опыта добавлю, что многие польские работники охотнее нанимались к немецкому хозяину, нежели к польскому. Правда, в большинстве случаев это происходило потому, что польские хозяева рассчитывались за работу не столь пунктуально, как их немецкие соседи. Многие поляки (более жизнерадостные и воспринимавшие жизнь в целом не столь трагично, как это нередко водится среди немцев) были склонны жить не по средствам.

В 1919 году я уволился из армии и вернулся домой. Я хотел быть полезным в хозяйстве отца и остаться там, где родился, хотя и предстояла передача земли Кульмер Польше. Отец в то время был бургомистром общины. Заступив на должность ландрата — польского старосты, я помогал отцу выполнять предписания, поступающие от польской администрации. Одновременно я принялся прилежно совершенствовать мой польский, приобретенный еще в юности, так что вскоре я уже мог читать и обрабатывать польские служебные бумаги.

Осенью 1920 года однажды я поехал в Кульм, чтобы передать отчет отца, касающийся нашей общины. Меня приняли вежливо. Но после завершения формальностей староста сказал мне:

— Чтобы вам было известно, вы и ваш отец оба находитесь в черном списке. Вам лучше покинуть Польшу.

На это я спросил:

— Как это? Почему мы в черном списке?

Староста отвечал: